

Чэ Жуйхэ застыл в дверях.

Цзянь Линь обернулся, одарив его мягким, ласковым взглядом, и неспешно поднялся:

— Пришёл?

Когда он подошёл ближе, его высокая фигура легла на Чэ Жуйхэ тяжёлой тенью, мгновенно окутывая того своей аурой. Он протянул руку и едва коснулся бледной щеки Жуйхэ; от кончиков его пальцев потянулся густой, насыщенный аромат орехов.

— Впредь никакого алкоголя, — голос его звучал вкрадчиво. — Я буду за этим следить.

Чэ Жуйхэ криво усмехнулся. Прикосновение казалось обжигающим, словно лучи полуденного солнца. Он отвел взгляд и отступил на пару шагов:

— Вчера на ветру стало слишком зябко, вот и решил сделать пару глотков, чтобы согреться. Кто же знал...

Кто же знал, что это пойло окажется таким забористым — стоило лишь смочить горло, как он тут же отключился.

— Забудь об этом, давай к делу, — Чэ Жуйхэ кашлянул и, мягко отстранив Цзянь Линя, прошёл в студию. — Ты сказал, сценарий готов. Где он?

Цзянь Линь наконец перестал смотреть на него. Он взял с деревянного стула папку и протянул её другу. На обложке красовались крупные буквы: «Его узник в паху. Финал».

Жуйхэ перехватил сценарий, быстро пролистал страницы, и он становился всё мрачнее. Дойдя до последней страницы, он и вовсе нахмурился:

— И что, я так и не дождусь момента, чтобы перехватить инициативу и поменяться ролями?

Цзянь Линь лишь качнул головой:

— Если быть точным, у Бай Чжунъе такого момента просто не предусмотрено сюжетом.

Чэ Жуйхэ окончательно помрачнел.

Он обиженно посмотрел на Цзянь Линя, принимаясь придирчиво его изучать: от макушки до пят, от светлой кожи до каждой безупречной черты лица. Он признавал, что тот выглядит куда мужественнее и властнее. Его голос с лёгкостью воплощал в себе холодную решимость и

ярость Му Няньчэня — человека, который жаждал любви, но не мог её получить. И хотя Жуйхэ был готов признать мастерство партнёра, на душе всё равно скребли кошки. Столько лет он озвучивал только «активов», а теперь его так беспардонно уложили на лопатки...

В глазах всего мира Бай Чжунье был узником, но для Му Няньчэня он оставался единственным господином. Обещание, данное в детстве, привело к катастрофе, когда пролилась кровь.

Чэ Жуйхэ пришлось признать: из всех сценариев, что попадали к нему в руки, этот был лучшим. У Цзянь Линя оказался отменный вкус.

Единственное, что смущало — беспросветная печаль, которой была пропитана каждая строчка. Жуйхэ чувствовал, как его затягивает в этот вымышленный мир, как он тонет в чарующем, почти демоническом голосе Цзянь Линя.

Начало сцены. Листья гинкго медленно опадали, устлая зеркальную гладь озера, сливающегося с горизонтом. Серебристые рыбы скользили в прозрачной воде. Прошёл ещё один год, наступила очередная весна.

Время утекало, словно вода, и хотя природа оставалась прежней, страна изменилась до неузнаваемости. С тех пор как государство Цзин пало под натиском дикарей, наследный принц Бай Чжунье томился под домашним арестом в императорском городе, вынужденный коротать дни в компании варварского вождя. В глазах народа их принц жил в бесконечном позоре и муках. И пусть Му Няньчэнь оберегал его как величайшее сокровище, пусть готов был склонить перед ним колени — он оставался тигром. Никто не знал, какие тёмные замыслы рождались в голове этого жестокого предателя.

Люди не могли понять: тысячи тех, кто был связан с императорским родом, погибли под мечами варваров. Кровь залила весь город. Лишь принц остался в живых, невозмутимо восседая на троне Цзин. Му Няньчэнь не только не сверг его, но и добровольно стал его вассалом, расширяя границы и охраняя покой страны для своего господина.

Это казалось невыносимым.

Первая сцена.

Бай Чжунье с распущенными волосами медленно шёл вдоль берега. За ним следовал отряд могучих стражников. Подул тёплый ветер, принц остановился и обернулся. Он наткнулся на холодные, словно сталь, лица и хищные взгляды — воины следили за каждым его движением, боясь, что он исчезнет. В глазах этих людей не было ничего общего с жителями его страны;

там читалась лишь жажда битвы и слепая верность. Они были верными псами Му Няньчэня, его продолжением.

Единственный наследник великого рода Бай, а его покой охраняют те, с кем он враждовал долгие годы. Бай Чжунье находил это до крайности ироничным.

— Донесение! — звонкий голос прорезал тишину.

Воин вынырнул из тени деревьев и пал ниц у его ног:

— Ваше Высочество! Прошлой ночью генерал Му прорвал оборону государства Чжэн и захватил четыре города в провинции Юньси. Голова маркиза Юньси уже выставлена на городских воротах. Генерал просит Ваше Высочество прибыть к воротам, чтобы вместе с народом отпраздновать победу!

Разумеется, у Бай Чжунье не было ни малейшего желания любоваться чьей-то отрубленной головой. Он молча развернулся и направился в свои покои.

Он никогда не выносил вида крови. Му Няньчэнь знал об этом. В детстве Бай Чжунье дрожал всем телом и заливался слезами, видя, как убивают обычного кролика. Даже став правителем, он не смог побороть этот ужас перед насилием. Но Му Няньчэнь, ослеплённый жаждой славы и желанием выслужиться перед любимым, забыл об этом.

Принц понимал: годы изменили их. Он никогда не простит предательства и гибели близких. Но в то же время он осознавал, что, кроме Му Няньчэня, в этом мире у него не осталось никого. Никто больше не был связан с ним столь тесно.

Для принца одиночество было предрешено с самого рождения.

Разве можно предугадать судьбу?

Когда-то он верил, что Му Няньчэнь не такой, как все. В нём не было слабости, присущей наложницам; он всегда закрывал Бай Чжунье своей грудью, защищая его. В холодные ночи он обнимал его, нашептывая ласковые слова. Тогда глаза Му Няньчэня сияли верой в будущее, в котором они всегда будут вместе. И Бай Чжунье верил этим детским клятвам.

Но время шло. Ребёнок превратился в юношу, а затем в того, кем Му Няньчэнь стал сейчас. Бай Чжунье отказывался верить, что его «А-Чэнь», чистый и искренний, превратится в его злейшего врага.

Полночь. Му Няньчэнь действительно пришёл. В свете свечей его доспехи отливали холодным блеском. На ноже с головой волка виднелись следы засохшей крови. Он за последние недели стал ещё суровее, на переносице добавился уродливый шрам — память о недавней битве. Он

стоял, опустив взгляд и плотно сжав губы, а в голосе слышалась затаённая обида:

— Почему ты не пришёл праздновать победу?

Бай Чжунье сидел за столом, неторопливо выводя линии на бумаге. Он мельком взглянул на знакомый силуэт, застывший за занавеской на одном колене, и ничего не ответил.

Прошло немало времени, прежде чем тишина была нарушена. Это была негласная схватка — кто первым сдастся и пойдёт на компромисс.

И каждый раз победителем выходил Бай Чжунье. Му Няньчэнь всегда сдавался первым.

— А-Е...

Бархатистый, глубокий голос Цзянь Линя снова заполнил комнату, мгновенно перенося Чэ Жуйхэ в иное измерение...

— Когда же ты наконец отпустишь свою ненависть? — в голосе Цзянь Линя послышались слёзы, но Жуйхэ никак не мог сопоставить его лицо с образом сурового генерала.

— Я провёл в походах пятнадцать дней. Всё это время я слал тебе письма — ты хоть одно открыл? Я каждый день ждал весточки от тебя, а ты? Хоть на миг вспомнил обо мне? Я не понимаю... Мы ведь были так близки, неужели ты всё забыл? — Му Няньчэнь до крови прикусил губу. — В детстве... Мы ведь в детстве...

— А-Чэнь, ты же знаешь, я не хочу об этом слушать, — голос Жуйхэ звучал холодно и отстранённо, словно их действительно разделяла непреодолимая преграда. — Не стоит ворошить прошлое. Между нами не осталось ничего, что можно было бы назвать чувствами.

Бай Чжунье решительно провёл на бумаге прямую линию, изображая стебель бамбука. В жестокости он не мог тягаться с генералом, но в безразличии ему не было равных:

— Я твой государь, ты — мой подданный. Раз ты признал меня своим королём, изволь соблюдать приличия, — он сделал паузу и добавил буднично: — А если не хочешь — просто убей меня.

Му Няньчэнь наконец поднялся, его доспехи зловеще лязгнули. Он смотрел на силуэт за занавеской — такой близкий и одновременно недостижимый:

— Ты пользуешься тем, что я люблю тебя? Знаешь, что не смогу причинить тебе вреда, и безнаказанно издеваешься над моим сердцем?

—... — Чэ Жуйхэ хранил молчание.

— Почему? Что я сделал не так? Сколько ты ещё будешь меня ненавидеть? — сорвался на крик Цзянь Линь. — Неужели я тот, кого тебе стоит ненавидеть? А-Е, ведь это ты когда-то сказал мне, что хочешь, чтобы все они исчезли! Я запомнил каждое твоё слово. И теперь, когда я избавил тебя от тех, кто был тебе противен, в чём моя вина?

Кончик кисти дрогнул, оставляя на бумаге жирную кляксу.

Бай Чжунье вспыхнул от ярости. Слова Му Няньчэня пробудили воспоминание о том дне, когда ему было пятнадцать. Его мать объявили ведьмой, околдовавшей императора, и утопили в старом колодце за южными воротами. А его самого бросили на растерзание, превратив в живую игрушку для забавы знати.

Эту боль он не забудет никогда. Даже сейчас, спустя годы, он дрожал от холода, а тело начинало бить мелкая дрожь.

Небо затянули тучи. В глубокой яме подземного ристалища было сыро и темно. Наверху стояли люди первого принца; их взгляды были прикованы к худощавому подростку, распластанному на земле. Они обменивались смешками, и в их глазах читалось предвкушение чего-то жуткого.

Мальчик лежал в грязи, его волосы спутались, а лицо было мертвенно-бледным. Руки и ноги сковывали тяжёлые цепи — их ледяная тяжесть мешала дышать.

Бай Чжунье никогда не забудет того позора. Даже слуги смотрели на него, принца крови, как на плешистую собачонку у ног фаворитки.

Раздался сигнал. Бай Чжунье с ужасом уставился на массивные ворота, втайне моля небо о спасении. Но богов не существовало. Судьба была в руках людей. В этот миг страх сменился полным отчаянием. Каждая секунда превратилась в пытку ожиданием смерти...

Ворота приоткрылись, обнажая чёрный зев прохода. Когда створка поднялась наполовину, из темноты выскочил истощённый, обезумевший от голода тигр. Громко рыча, зверь бросился прямо на мальчика.

— Загрызи его!

— Сдохни, отродье шлюхи!

Бай Чжунье рванулся в сторону, волоча за собой тяжёлые цепи. Он стиснул зубы; рёв тигра отзывался дрожью в каждой клетке его тела. Чем громче смеялись сановники наверху, тем больше он злился. Видя торжествующее лицо первого принца, Бай Вэньгуаня, Бай Чжунье чувствовал, как в его сердце, словно ядовитый сорняк, пускает корни жгучая, неуправляемая ненависть.

<http://bllate.org/book/17503/1659072>